

Б.А. Синанов

«Новое студенчество» Северной Осетии в 1920-е гг.: выдвиженцы в вузах СССР

Ключевые слова: студент, выдвиженцы, землячества.

Key words: student, promotion candidates, communities.

1920-е гг. можно назвать первой советской модернизацией, которая включала в себя бурную индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию. Рост промышленности, создание коллективных объединений неизбежно ставили вопрос о повышении грамотности населения, создании кадров национальной интеллигенции, вышедшей из рабочего класса и трудового крестьянства.

В 1920-е гг. государство проводило систему мероприятий, направленных на быстрое повышение экономического и культурного уровня народов бывшей Российской империи. Нэп оправдал свое назначение: в стране наметился общий хозяйственный подъем. К концу 1925 г. советское государство, преодолевая исключительные трудности, подходило к завершению восстановления хозяйства: сельское хозяйство достигло почти 90%, а крупная промышленность – 75% довоенного уровня. В этих условиях число квалифицированных кадров, а также количество специальностей были явно недостаточными.

Цель настоящей работы – обобщить сведения о положении студентов-целевиков («командированных») в центральных советских вузах. Исследование этих аспектов позволит отойти от традиционной парадигмы изучения политической истории вузов и студенчества и детально проанализировать опыт создания в стенах высшей школы «лаборатории» для идеологической перековки людей.

Новое советское правительство в разгар Гражданской войны приняло декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», что соответствовало целям обеспечения равных прав всех классов населения, в том числе и в сфере образования, и способствовало реальному росту грамотности. В среднем грамотность населения Терской области в период от переписи 1897 г. до 1920 г. выросла в среднем в 2 раза, причем население городов отличалось большей грамотностью: во Владикавказе – 52,6%, в Грозном – 44,1%, Нальчике – 34% [1, с. 35–36].

Проблема создания квалифицированных кадров была особенно актуальна для национальных окраин страны. Достаточно сказать, что в бывшей Терской области до революции задача подготовки специалистов с высшим образованием решалась плохо. Единицы даже из имущих сословий данной области могли позволить себе обучение детей в учебных заведениях Российской империи. Так, образование в престижных учебных за-

ведениях России получили: Г.И. Дзасохов (Казанская духовная семинария), А.А. Гассиев (Киевская духовная академия), Ц.С. Гадиев (Дерптский университет), К.Л. Хетагуров и М.С. Туганов (Санкт-Петербургская Академия художеств), А.И. Костина (Тифлисский Ольгинский повивальный институт), А. Дударова (Тифлисский учительский институт).

В первые годы советской власти правительство создавало благоприятные условия для национальной молодежи, желавшей получить высшее образование. В.И. Ленин отмечал, что студенчество «является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее отражает и выражает развитие классовых интересов во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть во всем обществе – соответствовала не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе» [2, с. 343].

Быстрыми темпами в Осетии развивалось высшее образование. До революции во Владикавказе отсутствовали высшие учебные заведения. В 1920–1930-е гг. были открыты следующие институты: Горский сельскохозяйственный, Северо-Кавказский педагогический, Северо-Кавказский металлургический, медицинский. К концу 1930-х гг. в вузах Северной Осетии обучалось свыше 3000 студентов.

Высшие учебные заведения призваны были сформировать отряды национальной интеллигенции. Из-за отсутствия соответствующей материально-технической базы, ветхости учебных корпусов и общежитий, малого числа научно-педагогических кадров пришлось готовить будущих специалистов вне Горской АССР. В 1923–1925 гг. широко практиковалось направление учащейся молодежи национальных районов в вузы соседних республик и областей. Так, Чеченский ревком 19 сентября 1923 г. командировал в Дагестан двух представителей ревкома для ознакомления с постановкой учебного дела и создания педагогического техникума.

Однако местные вузы не отвечали в полной мере потребностям текущего момента, не могли (в силу нехватки кадров и слабой материально-технической базы) обеспечить растущие потребности народного хозяйства в специалистах разного профиля. Поэтому советское правительство решило оказать помощь автономиям, направив определенное количество молодежи (целевиков/командированных) в центральные вузы

страны для получения высшего образования. Постановлением от 11 февраля 1922 г. ВЦИК предоставил Горскому облисполкому право на направление в вузы страны не менее 200 человек ежегодно. В 1920-е гг. количество студентов, обучавшихся в вузах страны, росло каждый год. Так, в 1925 г. из Северной Осетии было командировано в учебные заведения страны 1140 человек, в том же году только в Москве обучались 243 осетина [3, с. 237]. Подготовка кадров высшей квалификации являлась одной из важнейших задач для новой власти. Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» отменял образовательный ценз для лиц, поступающих в вузы. Теперь все граждане РСФСР, достигшие 16 лет, могли стать студентами любого высшего учебного заведения. Плата за обучение также отменялась.

С этого же года начинает распространяться практика распределения вакансий в вузы. Определенный вклад в подготовку специалистов внесли центральные органы власти и прежде всего Наркомнац, который организовал обучение провинциальной молодежи через Институт востоковедения в Москве и Институт живых восточных языков в Петрограде. В этих институтах обучались студенты из автономных республик, в том числе и Северного Кавказа. Так, Представительство Северо-Осетинской АО забронировало на 1929 учебный год в технические вузы страны следующее количество мест: институт цветных металлов и золота – 4 чел., горный – 5, геолого-разведочный – 5, сельскохозяйственного машиностроения – 5, электротехнический – 4, текстильный – 3, лесной – 5, геодезический – 6 и т.д. [4, л. 37]. Система брони при поступлении в вузы страны действовала до 1934 г. и давала возможность пользоваться льготами: на учебу принимались абитуриенты с более низким образовательным уровнем, их обеспечивали стипендией, общежитием.

Своей основной задачей в отношении студенчества большевики всегда считали его пролетаризацию. Это означало открытие широкого доступа в высшие учебные заведения представителям пролетариата и беднейшего крестьянства. О классовой линии при зачислении молодежи в вузы красноречиво говорят анкеты командированных. Так, Л.Д. Улуханова, направленная на учебу в Московский институт народного хозяйства им. К. Маркса, по своему социальному происхождению была из крестьян, член РКСМ, служила до поступления в вуз в Наркомфине.

Большую роль в процессе формирования национальных кадров играли национальные представительства Северного Кавказа, которые не только занимались экономическими проблемами, но и координировали вопросы культуры своих автономий. Этот аспект является малоизученным, но, тем не менее, важным в разработке проблемы культурной революции в провинции.

В исследованиях, посвященных широкому кругу проблем социалистического строительства, вопросы национального представительства рассматривались в

общей связи с деятельностью Наркомнаца – органа, призванного к укреплению сотрудничества между народами. При Наркомнаце учреждались отделы автономных республик и областей как коллегиальные органы национально-государственных образований, в задачи которых входили защита интересов своих автономий и осуществление политических, экономических и культурных связей.

Зарождение национальных представительств относится к 1918 г., однако в наибольшей степени их деятельность проявилась после Гражданской войны. В это время представительства совместно и каждое в отдельности вели работу самого разного характера. В компетенцию отдела национальностей входила координация работы представительств по осуществлению национальной политики на территории автономных республик и областей.

С изменением общественно-политической обстановки на Северном Кавказе и переходом к новой экономической политике необходимо было координировать социально-экономическую и культурную жизнь населения, налаживать новые связи с органами центральной власти. Органом, который на тот момент отвечал данным требованиям, стало Представительство Горской АССР (ГАССР) при Наркомнаце, сформированное 2 сентября 1921 г. [5, с. 18].

Институт национального представительства изучал опыт советского, хозяйственного и культурного строительства в национальных районах, выявлял возможности экономического и культурного сотрудничества наций.

Работу по направлению уроженцев Горской АССР в учебные заведения страны координировали национальные секции при агитпропотделах ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ. Представительство ГАССР, студенческие землячества добивались выделения определенного количества мест в вузах и техникумах страны с учетом потребностей предприятий и учреждений автономной республики. Система брони при поступлении в специальные учебные заведения РСФСР действовала в 1920–1934 гг., давала возможность национальным меньшинствам пользоваться льготами: они принимались на учебу с более низким общеобразовательным уровнем, недостаточным знанием русского языка, обеспечивались общежитием и стипендией [6, с. 18].

Большой вклад в подготовку специалистов для национальных районов Северного Кавказа внесли Институт востоковедения (Москва) и Институт живых восточных языков (Петроград). В этих институтах обучались около 1000 посланцев автономных республик, в том числе и Северного Кавказа. В 1921 г. студенческую молодежь Северного Кавказа принимали следующие институты: Инженеров путей сообщения, 1-й политехнический, Вологодский молочно-хозяйственный, 2-й политехнический, Воронежский сельскохозяйственный, политехнический, гражданских инженеров, Донской сельскохозяйственный, межевой, технологический, народного

хозяйства им. К. Маркса, электротехнический, Казанский политехнический, лесотехнический, а также Горная академия [7, л. 26] и др.

Количество студентов молниеносно выросло, но, не выдержав ритма студенческой жизни, большинство учащихся забрали свои документы в течение сентября. Причины такого большого отсева коренились не только в слабой подготовке некоторых студентов, но и в тяжелом материальном положении. Особенно трудно приходилось тем студентам, которые были по разверстке посланы на учебу в центральные вузы. Одной из причин было то, что «командированные не были снабжены полагающейся одеждой, обувью, бельем». В связи с наступлением холодов многие командированные студенты заболели. Стипендия выдавалась нерегулярно и была столь мизерной, что не могла обеспечить самые скромные потребности студента. Однако и ее выдавали не всем. Осетинское представительство нередко ходатайствовало о назначении наиболее нуждающимся студентам из числа командированных: «Представительство Северо-Осетинской АО ходатайствует о зачислении на госстипендию т. Дзугаеву С.Б., командированную Осетинским отделом Наробраза в счет разверстки. Указанный товарищ – горянка-осетинка, не имеет никакой материальной поддержки со стороны, нуждается в государственной поддержке, поэтому просьба не отказать в ходатайстве» [8, л. 21]. Таких обращений было много. Вузы не могли полностью взять на себя расходы по содержанию командированных студентов: «Коммунистический университет трудящихся Востока сообщает, что он располагает крайне ограниченными средствами для обеспечения командированных студентов и просит Горское представительство принять на себя расходы по командировке на места студентов, направленных в распоряжение представительства» [9, л. 16]. Заведующий Осетинским отделением Наробраза Г. Дзагуров вынужден был признать, что «не только не посланы горцы-студенты за границу, но даже те немногие, что попали в Москву и Петроград, до сих пор (1922 г. – Б.С.) не обеспечены и не могут отдаться всецело делу образования» [10, л. 194].

Командированные студенты требовали принятия срочных мер по улучшению их материального положения. В открытых письмах на родину, опубликованных в местной прессе, они приводили в пример москов-

ские власти: «Здесь в Москве целый ряд трестов и наркоматов дают стипендии (например, сахаротрест – 20 стипендий). Горнаркоматы и хозорганизации должны также учредить по несколько стипендий и распределить их между наиболее нуждающимися студентами» [11].

В докладе комиссии по изучению быта горцев-студентов университета народов Востока указывалось на особо тяжелое положение курсантов, прибывших из Горреспублики. Члены комиссии обратились в Горское представительство с просьбой об оказании поддержки: «Норма продовольствия курсантов Горской ССР хлебом в размере 1 ф. черного и 0,5 ф. белого хлеба. Несмотря на это хлеб в указанных нормах не выдается, и вообще продовольствие курсантов поставлено настолько неудовлетворительно, что студенты находятся в полном истощении и совершенно не в состоянии работать. В связи с плохим питанием среди курсантов начались заболевания – сlegло уже 9 человек (речь идет о студентах университета им. Свердлова. – Б.С.). При таких условиях стоит вопрос: или немедленно поставить курсантов Горреспублики в соответствующие условия питания или отправить их обратно...» [4, л. 37]. Социологические обследования 1920-х гг. дают самую негативную оценку положению студенчества: из студентов свыше 50% питались недостаточно, 0,3% – не обедали, и только 5% питались хорошо [12, с. 32].

В целом процесс адаптации советского студенчества в систему новых общественных отношений не был простым, однолинейным и плавным. Для горской молодежи, которой посчастливилось получить образование в лучших вузах страны, этот процесс был сопряжен с преодолением целого ряда материальных, бытовых и психологических проблем. Однако ни отдаленность от родины, ни отсутствие даже элементарных средств к существованию не смогли помешать выдвиженцам от Горской АССР успешно интегрироваться в иную социальную реальность. Политическая и общественная активность, ставшая отличительной чертой нового студенчества, способствовала не только улучшению их материального положения, но и укреплению экономической и культурной связи с направлявшими их регионами.

Библиографический список

1. Отчет Горского экономического совещания за период январь–март 1922 года. – Владикавказ, 1922.
2. Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 7.
3. Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР : сб. ст. – Махачкала, 1973.
4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). – ФР. 84. – Оп. 1. – Д. 29.
5. Магомедов, А.У. Представительство Горской АССР при Народном Комиссариате по делам национальностей : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.У. Магомедов. – М., 2007.
6. Батыров, А.Е. К вопросу о деятельности Представительства Северо-Осетинской автономной области при президиуме ВЦИК / А.Е. Батыров // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – №4/3.
7. ЦГА РСО-А. – ФР. 82. – Оп. 1. – Д. 31.
8. ЦГА РСО-А. – ФР. 45. – Оп. 1. – Д. 209.
9. ЦГА РСО-А. – ФР. 82. – Оп. 1. – Д. 29.
10. ЦГА РСО-А. – ФР. 84. – Оп. 1. – Д. 14.
11. Горская правда. – 1922. – 10 сент.
12. Ласс, Д.И. Современное студенчество / Д.И. Ласс. – М. ; Л., 1926.